

Коммерсантъ - 2000 - 22
ноябрь - с. 14.

Девушка с характером

Балерине Наталье Макаровой исполнилось 60

В отличие от Михаила Барышникова эмигрантка Наталья Макарова не раз возвращалась на родину — повидаться с друзьями и насладиться триумфом

Исполнилось 60 лет балерине Наталье Макаровой. Она покинула страну в 1970-м. Последующие пятнадцать лет упоминать ее имя в СССР было запрещено, Кировский театр делал вид, что такой танцовщицы не существовало вовсе. Но в эти годы именно ей русский балет был обязан своей высокой международной репутацией.

Она была старше Нуреева и Барышникова, когда решила покинуть театр и страну. Протанцевала две трети профессионального балетного века. Ее любили в труппе. У нее не было врагов. Ее баловали критики, боготворило начальство. Она сделала примерную карьеру. И в последнюю лондонскую поездку в составе ленинградской труппы даже купила автомобиль. После побега заговорили, что авто было куплено исключительно для отвода глаз, чтобы усыпить бдительность.

Макарова начинала ослепительно. После выпускного спектакля ее сравнили с первой Жизелью — балериной-вундеркиндом Карлоттой Гризи. После дебюта на большой сцене назвали «балетной Джульеттой Мазиной». В ее партиях улавливали отзвуки образов Анны Павловой. Взвинтить выше градус похвал было уже невозможно. Но с самого первого спектакля стал очевиден и разлад Макаровой с академическим репертуаром. Очаровательная дурнушка Жизель оттопыривала локти, своенравно надувала губки и прятала предписанную каноном застенчивость под петушиным нахальством, печальная польская княжна Мария в «Бахчисарайском фонтане» назло сюжету благосклонно интересовалась пламенным татарским ханом, угловатая сварливая Джульетта нешуточно грозила папаше Капулетти. Подростковую резвость вскоре усмирили педагоги. Макарова научилась крепко вертеть двойные туры и свободно расплаывать тело в плотных музыкально-танцевальных периодах.

Лауреат Международного конкурса в Варне, заслуженная артистка РСФСР, обладательница парижской премии имени Анны Павловой, Макарова пришла в театр в худшие его времена. При ней был прерван, едва набрав высоту, знаменитый ленинградский взлет симфобалета — последней крупной художественной системы,

произведенной русским балетом в этом веке. Специально для нее ни Григорович, ни Бельский уже не ставили. Из театра был удален лучший ее партнер Никита Долгушин. Новации жестко пресекались. Последней попыткой преодолеть ситуацию стала симфоническая поэма Берлиоза «Ромео и Юлия» в постановке Игоря Чернышева: по словам Макаровой, «чистый неоклассицизм, динамичный, выразительный». Постановку прикрыли. Чернышева, как и его собратьев по реформам, выслали укреплять провинциальные кадры. Макарова репетировала Юлию, Михаил Барышников — Меркуцио, Валерий Панов — Тибальда, все трое вскоре изменили родине.

За границей Макарова получила столько ролей, что, правильно подбирая репертуар, без особых потерь сумела продержаться на сцене до пятидесяти лет, успешно конкурируя с более молодыми и техничными коллегами. За ее карьерой не смогла угнаться ни одна иностранка, художественное влияние Макаровой перевесило даже авторитет Баланчина: Natasha привела музыкальные темпы в соответствие с прихотями собственного тела и осталась единственной, кому это простили. Свои последние лебединые адажио она танцевала уже на грани хореографического текста, предельно замедляя, истончая и прореживая музыку. Но певуче уплотняя танец. Развертываясь неторопливо и веско, движения наплывали одно на другое, «прокатывались» через все тело без разрывов, пауз и остановок. Танцевать так действительно не умел никто. Это была единственная творческая идея, которой сумел впечатлить мир русский балет 1970–1980-х. Макарова простилась со сценой в 1989-м, оставив отечественным преемницам ревнивую ненависть международной балетной тусовки к сокрушительной русской работоспособности и бездонному запасу душевных сил.

Она поработала со всеми знаменитыми хореографами. Обставила полмира родной классикой. Написала автобиографию. По-русски поддаваясь эмоциям, подчинила самых надменных импресарио и самые строгие художественные нормы своему божественному норову. И пока что не сумела победить только английскую фонетику.

ЮЛИЯ ЯКОВЛЕВА,
Санкт-Петербург